

Татьяна Великанова

Имя этой женщины пока еще не слишком широко известно. Ее знают тысячи, не миллионы. О ней лучше, точнее выскажутся давние друзья, близкие знакомые, достойнее напишут настоящие писатели. Они уже, наверное, взяли перки перо. Но не черед молчать и нам. В этой скромной заметке мы поделимся всем тем, что нам доступно, поскольку считаем, что все: и доброе, и дурное, — должно быть сообщено людям. А к этому человеку — Т. М. Великановой — как мало к кому относится мысль, высеченная на памятнике Мольеру в Париже: «ДЛЯ ЕГО СЛАВЫ НЕ НУЖНО НИЧЕГО, ОН НУЖЕН ДЛЯ НАШЕЙ СЛАВЫ».

Татьяна Михайловна Великанова — общественная деятельница в истинном, неискаженном смысле этого слова. Сам характер этого трудоемкого занятия приносит не всегда благодетельное положение «под юпитерами», вызывает порой необходимость говорить громко, красноречиво, афористично — что приведливо вызывает аналогию с театром (временами — с хорошим, бывает — с безвкусным). Т. М. реализовала в жизни редкий и особенно трудоемкий вариант — скромность, изничтожение автоличностного начала вошло в сам характер и «плоть» ее общественного труда. Т. М. не выступила ни с громкими трилляциями на основополагающие темы, не стала во главе какого-нибудь движения, не выдвинула какого-либо емкого и броского лозунга, не возглавила никакой ассоциации, не являлась ведущим трибуном на семинарах, митингах или пресс-конференциях.

Тем не менее эта худощавая, с сединой женщина стала одним из самых авторитетных общественных деятелей Москвы и вообще всей страны, стала близкой и дорогой не только своим сестрам и братьям, детям и внукам, товарищам по борьбе с несправедливостью и тем многочисленным гражданам, которые с уважением (но со стороны) взирают на ее самоотверженную и спуряющую работу в защиту других. Она на редкость уважаема и необходима пятидесятикам Сибири и крымским татарам; литовским и украинским поборникам национальной культуры; политзаключенным в тюрьмах и лагерях; фуражистам Москвы и других городов, работающим над воссозданием и развитием вольной печати; инвалидам труда, объединившимся для защиты своих социальных прав, и сторонникам полной отмены смертной казни. Секрет этого несложен: Т. М. непрерывно работала наизнос ради людей — близких и далеких, в чем-то симпатичных или чуждых, верующих и атеистов, женщин и

мужчин, старых и молодых. И при этом никогда ее поступки не шли и не могли пойти кому-либо во вред, не были направлены на ущемление хотя бы одного человека. В этом коренное ее отличие от иных деятелей и лидеров нашей страны, в этом истоки равнодушного (в лучшем случае) отношения к ним и — искренней преданности ей. Справедливо-символичным является то, что последним занятием ее на государственной службе стала работа санитарки — всем известен характер этой работы, да еще в наше время, — а последним перед арестом трудом (помимо общественной работы) — заботы о своих крошечных внуках.

* * *

Несколько фактов из ее жизни.

Родилась в 1932 году в Москве, в семье известного гидролога, члена-корреспондента Академии наук СССР М. А. Великанова. Окончила Московский университет, по профессии — математик. Занималась литеинным программированием. Работала учительницей в провинции и более 20 лет — в московских вычислительных центрах.

Во второй половине 1960-х годов, в пору распространенных надежд, что администрация склонна или способна все же прислушиваться к мнению и к насущным потребностям интеллигенции и, в целом, общественности, Т. М. приняла участие (правда, минимальное — в качестве рядового участника) в некоторых из обстоятельных и аргументированных прошений к властям — в 1967 году подписала законопроект «О распространении, отыскании и получении информации» (около 150 подписей — в том числе академики, писатели, ученые, деятели искусств), в начале 1968 года — письмо 79-ти с просьбой пересмотреть дело Ю. Т. Галанского, А. И. Гинзбурга и др. в открытом суде с полным соблюдением законов и в конце года — письмо 95-ти к депутатам Верховного Совета с развернутым протестом против приговора участникам августовской демонстрации на Красной площади в Москве (в связи с вооруженным вторжением в Чехословакию).

В этой демонстрации принимал участие и ее муж, Константин Бабицкий. Став женой политзаключенного, Т. М. волею судьбы постепенно оказалась в центре общественного сочувствия, а затем — и общественной самозащиты. В мае 1969 года Т. М. стала одним из 15-ти членов-учредителей Инициативной группы по защите прав человека в СССР: она работала в составе этой первой независимой общественной ассоциации до конца, оказавшись последним ее членом — **все** остальные были арестованы или вынуждены эмигрировать. Подпись Т. М. стоит под всеми документами Инициативной группы — в том числе в защиту арестованных Генриха Алтуяна, Владимира Буковского, Петра Григоренко, Анатолия Левитина-Краснова, Виктора Некипелова, Леонида Плюща и многих других.

Наверное, следует особо подчеркнуть на первый взгляд не особенно заметные, может быть, узлы ее общественного пути. В 1970 году, к первой годовщине образования Инициативной группы, эта ассоциация разработала содержательный документ, объясняющий ее принципы и цели. Ведущую роль в разработке этого Открытого письма приняла Т. М., считая особенно важным, чтобы вся общественность хорошо представляла позицию этой первой независимой правозащитной ассоциации в СССР.

В начале 1974 года Т. М. вместе с Сергеем Ковалевым и Татьяной Ходорович выступили с заявлением, ясно и четко отвергающим систему заложничества, успешно навязываемую репрессивными властями: мол, не защищайте того-то, а выйдет в свет новый номер вашего информационного бюллетеня — тогда арестуем точно имярека, хоть он и ни при чем! Эти трое людей приняли на себя смелость — отказать такому шантажу, заимствованному из гангстерского арсенала, — и выиграли моральное сражение: отстрел заложников прекратился, каратели сняли с широкого вооружения этот прием.

Весной 1974 года, в эпоху, когда одним из ходовых пунктов преследований были обвинения в распространении самиздатского журнала Хроника текущих событий, те же трое людей, в их числе Т. М., четко и открыто взяли на себя ответственность за распространение этого основного органа правозащитного движения. Журнал тем самым обрел новое дыхание и возобновил регулярный выход, а подобное обвинение отпало от многих его читателей (так до сих пор — по всякому случаю среди основных обвинений — оно и не фигурирует).

Наконец, в 1975 году, незадолго до судилища в Литве над москвичом Сергеем Ковалевым, Т. М. вместе с Александром Лавутом и Юрием Орловым разработали фундаментальный документ «О праве на защиту». Эта статья с анализом одного из ключевых инструментов современного правосудия — адвокатуры — инструмента, в нашей стране практически сводимого на нет в случае политических процессов. Исследование содержит и зрелую постановку проблемы, и основательные выводы о необходимости выхода из наличной ситуации, заключающейся в практическом бесправии и адвокатов, и обвиняемых.

Т. М. была вызвана свидетельницей на процесс демонстрантов 1968 года: познакомившись с политическим судопроизводством на практике, она в целях содействия и международным, и советским законам отказалась в дальнейшем участвовать в любой форме в следствии по политическим делам. Она отвергла попытки допросить ее по делам Якира-Красина (1973), Суперфина (1973) и др. Несомненно, что в настоящее время, находясь в **полной** изоляции от внешнего мира, Т. М. вообще отказывается разговаривать со следствием.

Т. М. не пустили ни на один открытый суд, а в 1978 году в Вильнюсе охранники буквально напали на нее, чтобы отбросить от дверей во время **чтения приговора** (по зпконам СССР любой приговор, даже по секретному делу, должен читаться при открытых дверях). Даже одно присутствие Т. М. при чтении приговора пугает репрессивные власти, так они «ценят» знание законов этой женщиной. Тем не менее, именно ее пытались официально предупредить по указу о «недопустимости» ее правозащитной работы (1974).

Т. М. подверглась четырем обыскам (1968, 1973, 1978, 1979). С пятого обыска ее увезли на Лубянку, и она не вернулась домой.

Это была жизнь на свободе. Теперь — на 48-м году — пошла неволя.

* * *

Т. М. не заработала себе громкого имени, но пронесла его удивительно чистым, и оно надежно. Застенок только осветил его большей ясностью, ибо теперь Т. М., с ее скромностью, не может помешать людям открыто воздавать ей должное.

Т. М. стала одним из не столь уж многих действительно авторитетных людей нашей страны, отдавая всю себя работе на благо униженных и оскорбленных. И чем больше она растворяла себя, свою личность в этом беспримерном труде, тем сильнее это отзывается сейчас во многих сердцах: благодарность, гордость, преданность этому человеку, одной из ряда воистину блестательных женщин, выдвинутых вперед полинным общественным движением в СССР 1960-1970 г.г. — таких, как Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Зинаида Григоренко, Софья Калистратова, Раиса Лерт, Татьяна Ходорович и др. Одной из тех, кто кристаллизует в себе честь и порядочность наших дней. И не случайно, что это движение совести — единственное на сегодня общественное движение, вобравшее в себя такое заметное количество столь замечательных женщин.

Семья Владимира Пореша

1-го августа 1979 года в Ленинграде был арестован Владимир Пореш, руководитель христианского семинара и редактор журнала «Община». Ему было предъявлено обвинение по 70 статье УК РСФСР. Следствие вел старший следователь особого отдела КГБ Лепетунов. Поделу Пореша в течение многих месяцев были проведены массовые обыски, кратковременные аресты, допрошены десятки свидетелей.

Члены клуба «Мария» с тревогой следили все эти месяцы за ходом следствия, старались поддерживать жену Владимира — Татьяну Пореш. В начале апреля 1980 года, когда следствие было закончено, представительницы клуба взяли интервью у Татьяны, ожидающей суда над мужем.

— Таня, как Вы расцениваете случившееся с Вашим мужем?

Т. Пореш: Мы живем в России — она всегда губит самое чистое, самое лучшее. Володя понял гражданский долг по отношению к своей родине: у нас же граждан нет, а он был гражданином в полном смысле слова.

— Расскажите, как Вы с ним познакомились.